

Все мы занимаемся одним делом...

Художественная галерея Дома актера нередко пополняется работами, которые сделали бы честь любому выставочному залу. В канун Дня театра семья известного уральского художника Германа Метелева передала в дар Свердловскому отделению СТД две работы художника — графические листы «Моцарт и Сальери» и «Театр».

Семья Метелевых известна в театральном мире. Зоя Александровна Малинина — известный театральный художник. И у дочери, Анны Метелевой, сложилась творческая семья. С вопроса о семейных традициях мы начали наш разговор.

Поскольку родители были художниками, то есть мама — театральный художник, а папа, что называется, «всехудожник» — я провела наполовину в театре, за кулисами, и наполовину в мастерских художников. Я видела очень разных людей. Друзья моих родителей это, разумеется люди искусства, но не только искусства художественного. Это и кино, и театр и музыка и писатели. Так что сложился просто круг творческих людей. И отец тоже пробовал себя как театральный художник,

а мама себя пробовала как станковый художник, то были такие переплетения... Не знаю, можно ли это называть традициями... Просто ребенок смотрит, что вокруг происходит, на этом и растет.

— Родители прививали вам определенный взгляд на искусство, живопись?

— Родители для меня были эталоном, разумеется. Разница ощутилась после смены времен в нашей стране. Родители по-прежнему считали, что искусство должно быть не коммерческим. Это уже впиталось, вросло

в душу. Ну, картинами ведь у нас деньги не зарабатывали, это было как бы второй профессией. Мама работала в театре. Отец тоже... Художники ведь у нас служащими считались... Он работал на комбинате, ну, в общем, где-то числился. А картины, которые они писали, это все оставалось в мастерской, очень редко что-то продавалось.

— А как он зарабатывал?

— Это был госзаказ. Собирались художники, делали роспись какого-нибудь завода. Или мозаику на какой-нибудь там стене. И на

эти деньги можно было жить год. Через год они снова собирались, снова делали какой-нибудь госзаказ. Зато весь остальной год они писали картины для души и для музеев.

— А Ваш подход?..

— Я сразу поняла, то нужно быть профессионалом. Моя работа уже не может быть хобби. Либо я иду работать и тогда картины побоку, либо я становлюсь профессиональным художником и не только пишу картины, но и продаю их. Из-за этого у нас был большой конфликт, потому что мои родители считали, что художник, который продает свои картины, неизбежно скатывается в коммерцию и соответственно уровень его резко падает, и он начинает заниматься тем, чем у нас на аллейке занимаются сейчас художники. Я считаю, что профессиональный художник может не только писать отличные картины, но и зарабатывать ими себе на жизнь. Вот это у родителей никак в голове не укладывалось и так до конца, по-моему, не уложилось. Отец так и считал, что он не может продать свои картины, и не продавал их. И знаете, почему? Он говорил: «Во-первых, я не знаю сколько они стоят. А во-

Г. Метелев. «Театр». 1971 г.

вторых, не смогу продать их даже по той цене, которую я назову». Ему было стыдно. Мне не стыдно продавать свои картины, потому что я выкладываюсь на них полностью. Мне не стыдно их продавать за любую цену, которую я назову. А он стеснялся... Хотя они были гениальными.

— Да, это точно.

— Я никак не могла ему объяснить эту вот разницу в подходе. Ну, потому что это действительно сложно. Прожить всю жизнь в одном ключе, а потом резко его поменять. У отца была очень четкая установка, что никому это не надо, не буду пробовать продавать, потому что тогда меня будут ждать большие разочарования.

— Это вопрос, наверное, о ценностях и оценке. То общество было вне-ценовым, а современное — выстраивает денежные отношения...

— Я понимаю и родителей и тех, кто занимается голой коммерцией. Два таких полюса. Есть вот это самое лезвие Оккама, то есть серединка точненькая. Это когда все лишнее отсекается, остается только эта линия, эта нить, по которой нужно идти. Что удивительно, и мама, и отец в один голос мне твердили, что нужно быть профессионалом и своим трудом зарабатывать деньги. Но сами же себе противоречили потом. Что я так, в общем-то, до сих пор не поняла.

— А в живописи расхождения у Вас с родителями были?

— Тут у нас особых-то расхождений-то нет, за исключением того, что у каждого из нас свои приоритеты. Дело в том, что когда учились родители, западное искусство было под запретом. Импрессионисты были для них откровением. А когда появился Дали, Пикассо, все эти кубисты, — это тоже было «ах» и на «ура». Именно это оказало очень большое влияние на творчество отца, кстати. Он для себя их открыл. Там же «оттепель» была. Именно это было самым сильным потрясением, ощущением и это оказало наиболее сильное влияние на их творчество и мамы и отца. Хотя у мамы больше осталось этой традиционной школы живописной. Красота мазка... Цветоведение...

— Она ведь была театральным художником?..

— Да, а поскольку она ушла в театр, то там меньше ощущались все эти новомодные веяния. А когда училась я, все уже было разрешено, поэтому я сама себе выбирала то, что мне больше нравится. Это были Бош и Брейгель, то есть Голландия. Раннее Возрождение.

— А чем они Вас покорили?

— Чистотой... Это вот и есть «красота без пестроты», очень хорошо сказано

Г. Метелев. «Моцарт и Сальери». 1967 г.

в «Рублеве» Андрея Тарковского. И вот это я больше всего на свете ценю. Брейгель и Бош замечательные колористы. У них много красок, но все это безупречно сгармонизированно и когда смотришь на картину, она просто драгоценность и каждая деталь в ней драгоценна. И все это сбалансированно. Я, кстати, очень ценю гармонию. Наверное, это результат того, что в детстве меня окружал пестрый мир, где есть все. И мне приходилось выбирать, чтобы меня не закружило и не увлекло. Голландцы меня как раз и покорили вот этим своим безупречным стилем, который вобрал в себя все, что есть на земле, и акку-

мулировали в заряд такой мощный, что он до сих пор прошибает. Смотришь и прямо искры летят.

— А кто еще покорила Вас этой своей гармонией?

— Ну вот, как раз Андрей Тарковский своими фильмами и оказал на меня безусловное влияние. Именно вот этим ощущением гармонии, когда множество событий жизненных, жизненного хаоса, тем не менее, служат одному — очень цельной картине мира. Этим отличается Андрей Тарковский от многих интересных, талантливых режиссеров. Он такой же, как Бош. И, знаете, может быть еще занятия музыкой. Я училась в музыкальной школе. И обычной,

английской. Но потом решила рисовать и поступила в училище.

— Некоторые усматривают в Вашей живописи влияние литературы...

— Если бы я не стала художником, я бы стала профессиональным читателем. Когда я начала читать серьезно, а это началось с 10 лет, я поняла что читаю очень быстро. И я начала этим пользоваться, как люди пользуются библиотеками для накопления знаний, у меня шел процесс накопления образов. Книга — это было все равно, что окно в другой мир, путешествие Алисы. Сейчас для меня процесс написания картины сродни чтению книги. Я начинаю новый холст, словно открываю новую книгу, но только истории сочиняю сама. Поэтому я никогда не знаю, чем она закончится. Так что я, можно сказать, писатель, только пишу ни ручкой, а кистью.

УВЛЕЧЕНИЯ

В канун Дня театра, впервые в городе Дом актера представил коллекцию живописных портретов деятелей театра, написанных директором магазина «Золотой Марципан» Ольгой Зиновьевой. Среди работ

— Какие тенденции в современной культуре Вы считаете наиболее знакомыми?

— Я не могу искусство отделить современное от не современного. Вот сейчас довольно часто кричат, что умирает живопись, картина умирает, остается один поп-арт. Попса, короче. Я уверена, что эта тенденция присутствовала с начала времен. Но, если ты умеешь писать картины, ты все равно будешь писать картины. Люди, которые этим занимаются будут всегда, потому что это такая вещь — если Бог дал, а ты это не используешь, то твой талант против тебя же обернется. И каждый творец это чувствует, никто не хочет быть съеденным заживо.

— Анна, не слишком ли это жестко звучит, а если это не божий дар, а только вопрос таланта и выбора самого человека?..

— Талантливый человек все равно будет заниматься на-

стоящим, никто не будет размениваться на всякую ерунду.

— А как же тогда деньги зарабатывать?

— По настоящему талантливый человек всегда найдет баланс. Пока ты работаешь, это твоя вещь и только твоя, она не имеет никакого отношения к реальному миру. Да, какие-то там деньги, какие-то там заказы... Но к ней это не имеет никакого отношения. Но вот когда она написана, когда она сделана, она уже существует отдельно от тебя, и ты можешь ее продать. Никто, ведь лучше Пушкина не сказал: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Когда я это поняла, то мне очень легко стало существовать в этом мире, он несколько не враждебный, если ты его осознаешь с точки зрения профессионала. Это твое дело, ты его делаешь. Вот и все.

Беседовала Юлия Золоткова

художницы — портреты А.Ивановой, Н.Павликова, А.Викulina, А.Белоусова... Необходимо отметить, что Ольга Борисовна начала создавать свою галерею давно, занимаясь портретной живописью

в свободное от основной деятельности время, часто возвращаясь к готовым работам, переделывая их. Художница планирует не останавливаться на достигнутом и продолжать портретную галерею.